

Воспоминания, письма

Л. А. Тиме

Захино (Воспоминания)*

Город Опочка разделяется на две части рекой Великой, а в центре города на большом острове, омываемом с обеих сторон протоками реки, расположен естественный высокий холм, на котором была ранее построена одна из крепостей, предназначавшихся для защиты русской границы от набегов западных врагов. Впоследствии, после естественного разрушения крепости, этот холм, по склонам заросший высокими деревьями, с каменной лестницей наверх, на котором проложили круговую прогулочную дорожку, был превращен в место праздничных и вечерних гуляний. Этот холм называли валом. Рядом с ним на этом же острове был построен летний театр, в котором играла опочечкая любительская труппа артистов. Одно время художественным руководителем ее была моя мать. Бабушка Анна Павловна рассказывала нам, что наверху вала до начала двадцатого века сохранялась часовня, в которой был образ Христа с дыркой, простреленной пулей литовцев, которые штурмом взяли крепость и перебили всех ее защитников. Когда я учился и жил в Опочке, этой часовни уже не было.

Мы в Захине зимними вечерами по инициативе бабушки часто проводили время за игрой в винт, участниками которой обычно были: бабушка, дядя Эдуард, тетя Клавдя, Антон и я. Уехала в Опочку к сыну от нас бабушка в 1927 году, и я ее больше не видел. Прожила она до глубокой старости.

Моя тетя Альма Альбертовна родилась в 1870 году и прожила в семье до своего замужества в 1887 году. Она вышла замуж за Александра Сергеевича Калинина, который был дедом приглашен в Захино репетитором моего отца и прожил в нашей семье небольшое время, однако хватившего для того, чтобы сосватать и жениться на моей тете. Ранее он успешно окончил математический факультет университета в Москве, но работать начал в медицинской области, для чего ускоренным темпом окончил медицинский институт и поступил хирургом в больницу Сергиевской лавры, что находится под Москвой. Хирург он был очень хороший, пользовался большим авторитетом и вскоре стал в этой больнице главным врачом, вплоть до своей смерти от скоротечной чахотки в 1917 году. Их сын Сергей часто бывал с матерью и отцом в Захине, и жили они у нас летом подолгу. Учился Сергей в военном училище и был во время начала гражданской войны как кадет мобилизован в армию Колчака и погиб в бою с большевиками под городом Курганом в 1918 году на глазах у своего товарища, который сообщил Альме Альбертовне о смерти ее сына и месте нахождения его могилы. Позднее она туда ездила. Потеряв мужа и сына, тетя Альма, естественно, решила вернуться в Захино.

Поскольку, как врач, Александр Сергеевич пользовался не только у работников больницы, но и у населения посада большим уважением и почетом, то в 1920 году, в самую разруху, когда железнодорожный транспорт рабо-

* Окончание. Начало в № 26/2007 г.

тал в стране чрезвычайно плохо, местные городские власти и население Сергиевской лавры обеспечили ей успешный переезд, выделив целый товарный вагон, в который тетя Альма погрузила свое имущество. Снабдили ее также всем необходимым для переезда, включая сопровождающую женщину, и обе в этом вагоне за две недели благополучно доехали до находящейся в трех верстах от Захина железнодорожной станции Воцагино, что была на построенной во время первой мировой войны ж.д. ветке от Пскова до Полоцка. Прибыв в Захино, тетя Альма сразу же приняла деятельное участие в нашей семье во всех домашних делах, а также, привезя с собою много разных лекарств, лечила нас успешно от разных хворей и считалась нами в медицине большим авторитетом. В то время в наших краях медицинского обслуживания не было, в Опочке врачей тоже было мало, и мы вынуждены были обходиться домашними средствами. Тетя Альма была женщина очень разумная, с твердым характером, порядочная и честная и разбиралась успешно в различных житейских вопросах, благодаря чему пользовалась среди местных женщин большим уважением, которые часто приходили к ней для решения различных интимных и любовных проблем и получения советов и, кажется, вполне успешно, так как уходили удовлетворенные, уверенные, что их серьезные тайны останутся как в могиле. Действительно, она их тайны хранить умела. После высылки нас из Захина в 1928 году она жила в Ленинграде до Отечественной войны, во время которой была эвакуирована вместе с овдовевшей к тому времени моей тетей Татьяной Владимировной Семеновой. В эвакуации тетя Альма вскоре скончалась, а Татьяна Владимировна, вернувшись после войны в Ленинград, прожила еще долго и умерла в возрасте девяноста одного года.

Дядя Эдуард, много занимаясь внешними связями с нашими заказчиками, покупкой и доставкой оборудования для нашего предприятия, часто уезжал в ближайшие города и села на длительное время, отсутствовал бывало по несколько дней. Ближайшие деловые поездки он иногда совершал верхом, для чего служили две лошади, хорошо ходившие под седлом, или на дрожках, тогда он часто брал с собою в качестве кучера своего сына Антона или, что бывало чаще, меня. Хорошо помню поездки в Блясино на разработки залежей железной охры и

сурика и в разные ближайшие леса для изыскания таких залежей, для чего с собою брали длинный металлический щуп со специальной на его конце насадкой, с помощью которого доставали из глубины грунта образцы породы в виде небольшого цилиндра, называемого керном. Также посещали ближайшие мельницы и окрестных зажиточных крестьян, которые сеяли внедряемые по инициативе дяди вику с овсом и красный клевер - очень хорошие корма для скота. Я с большой охотой совершал эти поездки, так как они мне очень нравились. Впоследствии, когда я подрос, отец и дядя стали посылать меня одного с разными поручениями не только в ближайшие места, куда я ездил на лошади, но и в Ленинград за металлом для производства турбин и других изделий, который покупал на складе вторсырья, на Болотной улице и перевозил на ломовиках на Варшавский вокзал.

В летнее время школьных каникул мы пользовались относительно большой свободой, проводя время в различных играх на площадке в саду, где стояли качели, турник и столб - гигантские шаги, а также в ловле рыбы удочками, в походах по грибы и пр. Однако, видимо в воспитательных целях, родители сызмальства заставляли нас заниматься различным физическим трудом на нашем пахотном поле; оно в основном, конечно, обрабатывалось жившими у нас постоянными работниками, которыми командовал дядя и Николай Иванович в тот период, когда он у нас жил. Все наше поле, разбитое на семь равных участков, имело несколько сточных канав, прокопанных для осушки от грунтовых вод и ливней. Их необходимо было периодически чистить от вырастающих кустов и углублять. Эти работы, а также другие подсобные работы, как то: удобрение навозом, который мы на лошадях вывозили из скотного двора, сенокос, уборка различного урожая, работа на молотье зерновых, поливка рассады капусты и турнепса, боронование и еще много других работ часто производились нашими детскими силами. Нам, естественно, это не особенно нравилось, но родители не давали нам отлынивать от работ.

Все семь участков в поле засевалось не хаотично, а строго по плану, предусматривающему наиболее оптимальную последовательность выращиваемых культур, которые выбирались из расчета потребности их в нашем хо-

зайстве. На нашем поле постоянно выращивали следующие культуры: озимую и яровую рожь, овес, ячмень, картофель, кормовую свеклу, турнепс, вику с овсом, красный клевер, тимофеевку, горох, редко лен, еще реже яровую пшеницу, поскольку она редко поспевала - тогда ее приходилось скашивать на корм скоту; а также иногда высаживали рассаду белокачанной капусты. Один раз попробовали посеять просо, но оно не вызрело и его также скосили для скота. Имея в хозяйстве порядочно лошадей (от 10 до 15) и скота (до 12 дойных коров), а также овец, свиней и птицу, приходилось выращивать много корма. Иногда, но редко, прикупали сено. Луговым сеном мы не пользовались никогда, так как все прибрежные луга рек Великой и Кудки были испокон веку поделены между крестьянами местных деревень и им скашиваемого сена с лугов далеко не хватало. В середине лета, когда наступала сенокосная пора, на крупных прибрежных лугах вначале появлялись мужики разных деревень, которые, иногда с ссорой и драками, делили между собою луга на участки по количеству едоков и потом обтыкали их по краям веточками. На эту процедуру у них уходило не менее одного дня. Косить начинали обычно ночью по росе. После покоса с утра появлялись, как на праздник, разодетые в цветастые платья, женщины с детьми и при хорошей погоде иногда успевали за один солнечный день высушить сено, вороша его, и убрать в копны. Сено было очень высокого качества вследствие того, что луга ежегодно весной заливались надолго паводковыми водами, приносящими много сапропеля, который, осаждаясь на луга, являлся прекрасным естественным удобрением.

У нас же в поле был большой сарай, который с осени был всегда забит выращенным сеном: клевером, вику с овсом и тимофеевкой. Рядом с сараем росла очень красивая громадная плакучая береза с висящими, покачивающимися на ветру длинными - с человеческий рост - ветвями. Основной же запас сена хранился в двух сеновалах в Захине.

Конюшня у нас была деревянная, в шести станках которой стояли выездные лошади, и еще в задней каменной пристройке несколько рабочих лошадей, предназначенных для различных сельскохозяйственных работ. Хомуты и прочая сбруя висели в конюшне на стене против станков. В каретном сарае был большой ларь,

всегда наполненный овсом для корма лошадей, а сено конюхи брали из маленькой пристройки к конюшне. Она периодически наполнялась сеном, сбрасываемым из окна сеновала.

В каретном, очень вместительном сарае, стояли экипажи: две линейки, дрожки, коляска с дышловой упряжкой на резиновом ходу с облучком и складным колпаком, четыре сиденья которого были обшиты кожей, большой дышловый открытый экипаж, в котором легко размещалось шестеро пассажиров, также с облучком, а называли этот экипаж "ландо". В этом же сарае стояли телеги и другой инвентарь для сельскохозяйственных работ: плуги, соха, бороны и пр. На тройках мы никогда не ездили, но одну пристяжную к кореннику запрягали часто.

От угла нашего сада в юго-западном направлении на расстоянии в полверсты начинался самый ближний к нашему селу небольшой еловый лес; в некоторых местах к нему примыкал ольховый кустарник, который по мере его роста крестьяне срубали на топливо. Лесок этот назывался Солпинским, поскольку он с другой стороны примыкал к деревне Солпа, расположенной на обоих берегах реки Великой. В этом лесу вблизи от большака имелось излюбленное цыганами место, на котором они почти ежегодно весной располагали под редко растущими крупными елями шатры своего табора, в котором жили все лето. Главным управителем у них был так называемый барон. Это был высокого роста, с длинными, как смоль черными, подстриженными под горшок волосами, с крупным носом, широко расставленными глазами и окладистой бородой цыган, носивший русские гармошкой сапоги, красную навывпуск из-под жилета рубаху, а сверху черные поддевку и картуз. Все цыгане в таборе его беспрекословно слушались и боялись, так как он был очень строг с ними и крут на руку, в которой обычно держал плеть. Как и у большинства цыган в то время, главным его занятием была торговля лошадьми, в которых он понимал толк. Откуда он их брал: покупал или воровал, мы не знали, но дядя Эдуард, будучи с ним в хороших отношениях, часто покупал у него выездных и рабочих лошадей, видимо с большой выгодой для себя и также для цыгана. Он нас ни разу не обманул, и все купленные у него лошади оказывались хороши.

Поскольку цыган уважал дядю Эдуарда, то его подопечные цыганки и цыганята у нас никогда ничего не воровали, а всю свою воровскую энергию обращали на жителей окружающих деревень. Правда, цыганята иногда подходили к забору, которым был обнесен сад, с просветами между высокими штакетниками, и бойко отплясывали, за что мы награждали их мелкими монетами или яблоками, а монеты они клали за щеку. Однажды цыган нам продал ранее работавшего в цирке молодого белого мерина, который был очень послушен, хорошо ходил как в упряжке, так и под седлом. Я с Антоном часто его седлали и по очереди гарцевали по округе с большим удовольствием.

В Солпинский лес по грибы мы ходили очень редко, хотя среди елей можно было иногда набрать малое количество белых грибов и сыроежек, но зато в прилегающих кустах ольховника бывало, но очень редко, выросло большое количество рыжиков. Однажды мать со мною, еще пятилетним, пошла после длительных дождей за рыжиками, и мы очень быстро наполнили бывшую у нас большую корзину маленькими, двух-трехсантиметровыми рыжиками. Некоторые полянки среди кустов были прямо усеяны грибами. Тогда мать сняла с меня нижнюю рубашку, сотворила из нее мешок, и мы скоро также наполнили его рыжиками. Их все мать замариновала.

Главные наши походы по грибы мы совершали за реку Великую в большой сосновый лес, находящийся от Захина на расстоянии не менее трех верст. Поэтому вставать приходилось очень рано, до восхода солнца. У нас считалось, что грибы надо начинать собирать обязательно с утра и как можно ранее. Сразу за Великой, через которую мы переплывали на челнах, стоящих вдоль обоих берегов реки, а когда был паром, то на нем, начинались пахотные поля с раскиданными на них деревнями, за которыми направо и налево тянулись очень широкой полосой сосновые боры. Ходили мы туда большими компаниями ребят до десяти и более человек. Конечно, эти походы по грибы нам всем очень нравились. Однако взрослые в нашей семье редко ходили с нами, но почти всегда кто-нибудь один из них, видимо для руководства, составлял с нами компанию. Для этого иногда выделялся кто-нибудь из нашей прислуги. В этом лесу мы часто за сбором грибов встречали местных крестьян, а поскольку их в

то время в ближайших деревнях проживало очень много, то и собрать, естественно, полные корзинки нам удавалось не всегда. Принесли мы оттуда боровики, сыроежки, моховики, подберезовики и зеленухи, которые на Псковщине называют попрашанками. Поскольку же нас в компании грибников было много, и мы, построившись в ряд, прочесывали лес, то собирали все же порядочно грибов, которые чистили за обеденным столом на большом балконе под руководством тети Клавди. А она на следующий день пекла круглые открытые пироги с белыми грибами до того вкусные, что я их забыть не смог до сих пор. Все очистки от грибов я иногда разбрасывал под большими деревьями, росшими перед забором с южной стороны сада, где стояла скамеечка и висел, прикрепленный к стволам деревьев, гамак. Через несколько лет там начали вырастать белые грибы, но почему-то не каждый год.

Моя тетя Клавдия Ивановна, руководя нашим большим хозяйством, включая управление всеми работами по парнику и двум огородам, была всегда очень занята. Вся готовка пищи для семьи и рабочих была возложена на поварих. На этой должности, еще задолго до моего рождения, у деда работал старый очень опытный повар, бывший крепостной, о квалифицированном поварском искусстве которого наши родители иногда вспоминали. Его, после увольнения по старости, заменила также квалифицированная повариха Ольга, готовившая только для нашей семьи. Это была одинокая пожилая женщина, кормившая нас разнообразными вкусными блюдами, которые часто выбирались по ее инициативе. Она также иногда к праздникам приготавливала большой белый торт с различными, художественно выполненными, украшениями. Я ее помню часто стоящей у открытого окна в кухне и курящей длинную, свернутую из газетной бумаги, махорочную сигарку. Она была единственной курящей женщиной в Захине. Для подсобных работ по кухне под ее управлением были одна или две работницы. Во время первой мировой войны ее сменила другая повариха, тоже одинокая, Татьяна, успешно проработавшая у нас много лет - до конца 1928 года. Видимо обе наши поварихи любили собак, оне постоянно их кормили, а один старый выжлец, которого из уважения к его старости мой отец держал на свободе, ежедневно в одно и то же время приходил к поварихе Ольге за своей порцией харчей.

Рядом с кухней было несколько комнат, в которых жили повариха, ее подсобные работницы, горничные и няни.

Парник, находящийся с южной стороны каменного дома, был устроен следующим образом. С северной стороны он был огорожен сплошным дощатым забором высотой поболее человеческого роста, а с других, солнечных сторон - низким заборчиком. Внутри располагалось несколько широких грядок, окантованных толстыми низкими досками, на которые в пазы накладывались остекленные большие рамы, на ночь при холодной погоде закрываемые сплетенными из соломы матами. Грядки еще осенью по всей их площади прокапывали на глубину примерно в один аршин, а землю удаляли. На зиму плотно закрывали и сверху накладывали еловые лапки. Рано весной, еще до начала марта, грядки открывались и в эти траншеи закладывали толстым слоем свежий конский навоз, а сверху засыпали черный, заготовленный еще с осени, компост, который выглядел, как чернозем. В грядке сразу же высеивали различные семена: редис, укроп, петрушку, капусту белокочанную и цветную на рассаду и другие культуры, которых я не помню. Под закрытыми грядками, несмотря на морозы, все это быстро всходило, благодаря теплу, выделяемому от превшего навоза, и мы лакомились редисом очень рано, даже во время, когда еще были заморозки.

Наши оба огорода, расположенные на низких берегах реки, где ранее были заливные луга, весной продолжали заливаться до двух недель водой, приносящую на огороды сапропель, что являлось дополнительным удобрением. С обоих огородов мы снимали большой урожай овощей, достаточный для нашего и частично рабочего столов, на весь год. Общая площадь их была несколько больше одной десятины. Клавдия Ивановна первая начала высаживать помидоры, о которых до этого в наших краях ничего не слыхали. Это произошло уже на моей памяти. Первый помидор, уже покрасневший, я сорвал на малом огороде и съел, но он мне тогда совершенно не понравился. На огородах также в небольшом количестве выращивали столовую кукурузу, которая к осени вполне поспевала до молочной спелости, початки мы снимали и варили, с удовольствием уплетали кукурузу со сливочным маслом.

Нас, ребят, загружали не только подсобной работой на огородах, а также в домашнем хозяйстве, например, в перегонке молока через ручной сепаратор. Мне часто приходилось это делать. Молока было много, и эта работа, к моему сожалению, продолжалась длительное время. Бывало кого-нибудь из нас заставляли сбивать сливочное масло из холодной сметаны, хранившейся на холодке в подвале, в глиняных горланах, емкостью каждый не менее двух литров, а их обычно было пять. Для этой работы служила большая деревянная маслобойка в виде ящика, закрывающегося в пазы крышкой, а внутри на горизонтальном валике были укреплены лопатки, вращаемые ручкой, насаженной на валик.

На большом огороде еще дедом Альбертом Антоновичем был прокопан искусственный пруд, сообщающийся с рекою небольшой, загораживаемой металлической сеткой, канавкой. В нем дед собирался разводить рыбу, но безуспешно. Пруд был прокопан в виде буквы П, и он изображен на общем плане. С наружной стороны пруд был обсажен сплошным рядом густых кустов лесного орешника - лещины, который ежегодно приносил урожай орехов и иногда в таком большом количестве, что мы собирали только его малую часть. Осенью мы набивали орехами полные карманы. Я их любил грызть, но, к сожалению, от них у меня на руках выступала крапивница.

Режим нашего питания был такой. Летом мы вставали пораньше, до восьми часов и успевали до завтрака сбегать на речку и выкупаться. Возвратясь, сразу садились за стол, летом на большом балконе, где уже шипел большой самовар, а зимою за обеденный стол в столовой. Завтрак обычно был неприхотливый: черный хлеб или пшеничная булка из муки собственного простого помола с маслом и редисом (когда он поспевал) и ячменный кофе с молоком, а чай пили взрослые. Такой небольшой завтрак был потому, что обед начинался в 12 часов, а позже начало его перенесли на 13 часов. Летом нас сзывали к обеду гонгом, который висел на столбике около дома в саду. Опаздывать к обеду было нельзя. Обед в будни был простой и состоял всегда из трех блюд: суп, второе овощное или мясное, сладкое, что-либо вроде киселя или компота из собственных фруктов. После обеда почти всегда взрослые ложились на часок поспать, а мы занимались свои-

ми делами, ловлей рыбы, играми и пр. В три часа пополудни садились за стол, за чаепитие с булочками, печеньем и иногда с вареньем, которое мы употребляли нечасто. Дети же игнорировали эту трапезу, что взрослыми не возбранялось. В шесть часов вечера был ужин: простокваша с хлебом, толокно или холодная гречневая каша с молоком или что-нибудь другое легкое. В девять часов вечера, перед отходом ко сну, выпивали еще по стакану чая. Хотя режим был пятикратный, мы обычно никогда не переждали. По воскресеньям же, под руководством тети Клавди, пекли к обеду пышные закрытые пироги с капустой или ливером, а иногда с морковью; они подавались на стол горячими и нам, каждому, с гарантией доставалось по два больших куска, которые мы, намазывая сливочным маслом, с удовольствием уплетали, запивая крепким мясным бульоном. Еще мне вспоминаются воскресные жареные фаршированные антоновскими яблоками гуся на блюде, обложенные цельными обжаренными картофелинами, которые мы еще поливали жирным соусом из продолговатого соусника, что обычно бывало на обеде в Рождество. А вот к Пасхе моя мать с помощью повара пекла из покупной крупчатки различной формы и высоты куличи, торты и бабы, при приготовлении которых она заставляла участвовать и меня (поскольку тогда миксеров не было); готовилось три сорта больших пирамидальных творожных пасх и красилось большое количество вареных яиц, которые укладывали в решета. Вспоминается сервированный обеденный пасхальный стол с блюдом крашенных яиц, а в центре стола красовался на фарфоровом блюде белоснежный улыбающийся отварной поросенок с какой-то зеленой веточкой в зубах. Его подавали со сметаной и хреном. А рядом лежал на круглом блюде окорок с отвернутой шкуркой и стопка нарезанной слезящимися пластинами ветчины. Почти все это было изготовлено из собственных продуктов, и устоять перед этим изобилием, конечно, было трудно.

Также из разных приготовлявшихся нашими поварами блюд я вспоминаю запеченную баранину с картофелем и репчатым луком, которые нарезались пластинками и укладывались с жиром и сметаной в большую глиняную макитру, ее закрывали крышкой и ставили в горячо истопленную русскую печь. Че-

рез три часа кушанье было готово. Получалось очень сытно и главное - вкусно. Это блюдо подавалось в зимнее время в субботу после бани. Когда покупали у местных рыбаков или сами вылавливали большую щуку (последнее бывало редко), то повара ее фаршировала каким-то образом при снятии кожи, не разрезая ее и сохраняя голову. Для варки ее была длинная металлическая посуда и также длинное фарфоровое блюдо, на котором подавали щуку на обеденный стол и ставили ее перед тетей Клавдией, всегда сидящей с торца стола под висящими над ней стенными часами.

Иногда варили пельмени и делали их очень маленькими, но в большом количестве, из смеси мяса двух сортов и особо приготовленного теста. Эта работа была очень трудоемкая и поэтому заставляли и нас принимать в ней участие.

Осенью кололи сразу нескольких откормленных свиней, мясо которых частично засаливали и натирали для сохранения натурального цвета селитрой и складывали в бочки для длительного хранения. Окорока коптили и развешивали на чердаке дома, чтобы сохранить от крыс, что, к нашему сожалению, не всегда удавалось. Также из мяса изготовляли буженину и колбасы разных сортов: копченые, вареные толстые, обвязанные шпагатом, ливерные и кровяные. Для этого у нас было различное ручное оборудование. Как я вспоминаю, все это было значительно вкуснее, чем то, чем теперь торгуют в Петербурге.

В Рождество готовился праздничный обед, на котором после гуся, о котором я уже писал, подавался на десерт спеченный в духовке высокий, сладкий воздушный пирог, основа которого состояла из взбитых белков со сливками (и потом вмешивалось малиновое варенье; запекалось в духовке).

Блины на масленице пекли не раз. Мука для них смешивалась из двух сортов - пшеничной и гречневой, блины были больших размеров, и мы их ели на заранее нагретых тарелках со сметаной и маслом, и к ним всегда подавалась черная и красная икра, а также красная рыба.

Обеденный стол у нас был большой, за ним легко размещалось до тридцати человек. Малых детей кормили отдельно, но тем не менее за стол часто садилось много народу за счет столовавшихся с нами некоторых служащих, гостей и заказчиков. Как правило кушанья по-

давала кто-нибудь из горничных, на которой в праздничные дни и при гостях были одеты белые передник и повязка на голове.

Воспоминания, к сожалению, мне приходят не в определенном порядке, поэтому я кой чего пропустил и теперь дополню.

Мой отец, после исключения его из института и возвращения в Захино, был некоторое время под негласным наблюдением властей, для чего к нему был приставлен поселившийся в Захине соглядатай по фамилии Машнев, а имя и отчество его я забыл. В чем заключалось участие отца в беспорядках в институте, он нам никогда не рассказывал и о них мы ничего не знали. Впоследствии отец про этого Машнева нам рассказывал, что он ему своею слежкой очень надоедал, следуя за ним повсюду. Однако, поскольку отец все свое время посвятил работе на заводе и ни с кем не встречался, эта слежка за ним длилась недолго. А Машнев прижился в Захине, постепенно построил себе усадьбу на северном краю села, женился и имел небольшой участок пахотной земли. Чем он занимался впоследствии, я не знаю. Был он страстный грибник и на зависть всем нам приносил из боров за Великой всегда много белых грибов.

Отец мой, видимо, своими занятиями на заводе очень был увлечен, он, по задумкам и под руководством моего дяди Эдуарда, успешно производил конструкторские и чертежные работы и их внедрение в производство. Поэтому он почти всегда вставал утром очень рано и проводил много времени как на заводе, так и за чертежным столом в конторе.

Теперь я должен сделать небольшое отступление и дополнить несколько слов об упомянутом ранее, расположенном в восемнадцати верстах от Захина, городе Опочке, через который производилась вся наша почтовая, торговая и внешняя связь. В то время в Опочке проживало не более десяти тысяч жителей. Основная часть их состояла из мещан, много было евреев, которые проживали в так обозначенном на тогдашней карте "жидовском посаде", через который проходила главная улица города - Великолуцкая -, а также элитная часть населения, состоявшая из местной интеллигенции: купцов, дворян ближайших поместий, служащих, врачей, учителей городских училищ и семей священников. Среди последней части населения было несколько фамилий, с которыми наши родители поддерживали близкие зна-

комства и часто встречались. Это были семейства Кудрявцевых, Селюгиных, Коротовых, Почепцовых. Между этими фамилиями, естественно, заключались перекрестные браки, так например, Анна Павловна Почепцова (бабушка, жившая в Захине) вышла замуж за Ивана Кудрявцева, Анна Ивановна Кудрявцева (сестра моей тети Клавдии Ивановны) вышла замуж за одного из братьев Почепцовых (которые жили в Тифлисе); Софья Александровна Селюгина вышла замуж за Якова Владимировича Коротова, и Екатерина Ивановна Почепцова вышла замуж за Владимира Александровича Селюгина. Я так подробно об этом пишу по следующей причине. Мой отец, еще будучи студентом, часто встречался со всеми этими опочанцами и в самом конце девятнадцатого века был помолвлен с Ектеринной Ивановной Почепцовой. После этого события он уехал на учебу в Ригу и там познакомился с Рудневым и встретил Евгению Владимировну (мою будущую мать), что решило его дальнейшую судьбу. После этого предыдущая помолвка отца с помощью его старшего брата Эдуарда была расторгнута, что являлось тогда очень неприятным событием, и отец привез из Риги свою восемнадцатилетнюю жену в Захино в 1901 году. А вскоре после этого в Опочке сыграли свадьбу Владимира Александровича Селюгина с Екатериной Ивановной. Оказалось, что все окончилось к обоюдному согласию, поскольку в дальнейшем наши семьи были всегда в хороших отношениях, часто встречались на охотах на волков, бывали друг у друга в гостях, что можно найти и увидеть на снимках моего отца.

Садом отец занимался только на досуге. Все трудоемкие работы в саду производили наемные работники под руководством отца или садовника, который проработал у нас почти до начала мировой войны. Я его помню плохо, только то, что у него была большая окладистая борода и он любил и ел только гнилые яблоки со светло-коричневой гнилью. Позднее я попробовал есть такие яблоки, и они оказались на вкус довольно приятными и сочными, но, конечно, только на любителя. Обрезку яблонь обычно проводил сам отец, чему он научил и меня.

В саду было проложено в разных направлениях много дорожек с гравийным покрытием, под которым находился слой толя, чтобы не росла трава. По сторонам дорожек в один ряд были посажены малина и кусты разной

смороды, дававшей много ягод. Крупные деревья, которые были посажены еще дедом Альбертом Антоновичем перед наружным забором с южной и западной сторон сада, несмотря на большие его размеры, создавали приятный уют. Среди них были только лиственные деревья разных благородных пород: дуб, ясень, клен, липа, вяз, ильм, а на склоне к большому огороду отец посадил много лиственниц, и, хотя росли очень быстро, они сохранились до 1972 года. За парником перед забором росла очень большая осина, под которой был похоронен первый ребенок, родившийся у моей матери, - девочка, прожившая всего две недели. На кладбище ее хоронить запретил священник, так как девочку не успели окрестить.

Из хвойных пород росла только, посаженная дедом, одна большая ель около большого балкона с восточной стороны дома, а от нее вдоль стены каменного дома, перед заасфальтированной площадкой, росли в ряд туи, на них осенью появлялись на веточках семена, которые склевывали прилетающие зимою стайки красногрудых снегирей. С западной стороны каменного дома, сразу за цветочными клумбами, отец посадил два кедра, но они росли очень медленно и начали плодоносить только с 1928 года, когда меня уже в Захине не было. А перед деревянным домом еще дед посадил два конских каштана, на раскидистых ветвях которых каждое лето вырастало много белоснежных цветов. Двор перед деревянным домом от сада был огорожен рядом густых желтых акаций. Такой же ряд акаций спускался по склону вдоль речного разлива. Осенью поспевающие на кустах акаций стручки начинали шелкать и далеко выбрасывать свои семена. Перед конюшней вдоль протоки отец посадил ряд сирени.

В центре сада была небольшая площадь, занятая пчелиной пасекой и рядом с нею грядками с клубникой, которую нам собирать запрещалось, так как она предназначалась для варенья и компотов. Однако я с Антоном часто делал туда набег. В этой клубнике почему-то было очень много лягушек.

О матери у меня сохранилось очень светлая память. Она весь наш выводок очень любила и со всеми нами много возилась. Несмотря на то, что основные заботы по нашему общему большому хозяйству лежали на плечах тети Клавди, у нашей матери разных дел также было более чем достаточно. Ведь за каких-то пятнад-

цать лет она успела родить семерых детей и всех нас выкормила сама. Ни о какой кормилице не было никогда и речи, но зато у нас были няни всегда и часто не одна.

Одно из любимых занятий матери была музыка, она очень много играла на пианино фирмы Беккер, стоявшем в гостиной, и в этой области достигла весьма больших успехов, и мы все любили слушать ее игру. Поскольку днем она была занята домашними делами, то играла в основном поздно вечером, после того, как укладывала нас спать. Несмотря на то, что пианино находилось далеко от нашей детской, все же игра на нем хорошо была слышна, и я очень любил засыпать под эту музыку. Рядом с пианино стояла высокая этажерка со стопками нот произведений Бетховена, Чайковского, Шопена, Моцарта, Шумана и других композиторов. Библиотечка нот была порядочная. Бывало из Святых Гор приезжал наш хороший знакомый Алексей Иванович Бакусов, который окончил консерваторию по классу скрипки, и тогда он под аккомпанемент матери играл на скрипке.

Но, пожалуй, главным любимым занятием матери была театральная деятельность, которой, к сожалению, она могла посвятить только свой небольшой досуг. Кроме нескольких лет художественного руководства труппой любительского театра в Опочке, она также ставила спектакли в народном доме в Захине, проводила там же чтения произведений русских классиков и у нас в доме ставила детские спектакли, снимки некоторых сцен которых имеются в альбомах отца. Когда она была занята в опочечком театре, то бывало надолго уезжала и жила в Опочке в гостинице по несколько дней.

В Опочке мать поставила несколько спектаклей: "Кукольный дом" Ибсена, "На дне" Горького, "Лес" и еще несколько пьес Островского и других авторов. В этих спектаклях она участвовала сама. Несколько снимков опочечского фотографа одной из ее ролей имеются в альбомах отца. В труппе опочечского театра было несколько хороших любителей - артистов: Ив. Ив. Кудрявцев (брат Клавдии Ивановны), братья Телепневы, Берта Вл. Мержвинская, Вл. Ал. Селюгин и др. Дома у матери была целая библиотечка пьес разных авторов, включая полное собрание сочинений Островского. Мы наши детские спектакли очень любили, и все с удовольствием в них участвовали. Готовились к ним задолго и приурочивали их к Рождественским праздникам. Иногда в это вре-

мя у нас гостил дядя - Лев Владимирович Руднев, который также принимал деятельное участие в постановке детских спектаклей и изготовлении различных декораций и костюмов.

Мать обладала хорошими способностями к художественному чтению, и я очень любил слушать, когда она нам читала различные детские сказки: Пушкина, Ершова и др. Вокальных способностей у матери не было, и она никогда не пыталась петь, только иногда себе под нос что-нибудь мурлыкала.

Нас, детей, мать учила музыке на нашем пианино, но успешно получалось только у старшего брата Володи, а мы остальные пристрастия к музыке не проявили, о чем я потом жалел.

Я не помню, чтобы с отцом мать когда-нибудь ссорилась, прожила она счастливую, но к сожалению, краткую жизнь. Однажды, в августе 1917 года, я с матерью и одной из ее знакомых шла с прогулки в солпинском лесу домой. Мать в то время была беременна и говорила своей знакомой, что это будут последние роды, и больше она рожать не будет, а займется своими любимыми делами. Однако судьба распорядилась иначе. После рождения двух девочек - близнецов она была очень счастлива. Ее смерть, последовавшая в апреле 1919 года, после неудачной хирургической операции, произведенной опочецким уездным врачом Нилом Андреевичем Ладыгиным, была для всех нас очень тяжелой.

В нашей семье религиозных почти никогда не было. Все взрослые фамилии Тиме по вероисповеданию были лютеранами, но их всех можно было считать атеистами, так как они никаких икон не имели и молящимися я их не видел никогда, за исключением только одного случая. Когда умерла моя мать и ее похоронили, то дядя Эдуард встал на колени перед могилой, поцеловал ее и по-лютерански перекрестился ладошкой.

Все Рудневы, включая моего деда, также были атеистами. Все члены нашей семьи относились к религиозным обрядам вполне терпимо, как к необходимой данности, и, поскольку православная церковь и государство в то время были объединены, то участвовали во всех необходимых религиозных обрядах и отмечали все крупные религиозные праздники, а последнее делали с большим удовольствием.

Всех детей крестили по-православному, а умерших отпевали в Утретской церкви. Един-

ственно, кто проявлял заботу о нашем религиозном воспитании, была Клавдия Ивановна. Всех подростков до определенного возраста детей она возила или водила пешком ежегодно в Утретский погост причащаться и исповедоваться, также на некоторые молебны. Так продолжалось почти до конца первой мировой войны. В детстве я любил бывать в церкви и относился ко всем этим религиозным процедурам с удовольствием.

Большой колокол в Утретской церкви был очень приятного звона и слышен в тихие дни на очень большом расстоянии. Мы на пасхальной неделе забирались по крутым лесенкам на колокольню и упражнялись в звоне на разных колоколах, но раскатать язык большого колокола мне не удавалось - не хватало силенок. Звонарь Утретского причта был с хорошим слухом и частенько исполнял на колоколах различные рулады.

Четыре года, на которые брат Володя был старше меня, нами считались очень большим периодом времени и поэтому интересы между нами в то время были разные. У Володи были свои товарищи - сверстники из числа местных жителей и соучеников, а я дружил и проводил свободное время с Антоном; видимо, у нас были сходные характеры. Борис имел не по возрасту большое пристрастие к рисованию и стихам, чем с большим удовольствием занимался. Много рисовал и сочинял стихи, которые записывал в толстую тетрадь. По этой причине он у нас считался более серьезным, чем мы с Антоном. У него был в детской небольшой уголок со столиком, над которым он развесил портреты русских поэтов, и часто проводил за ним свое время.

Кроме наших родителей, все мы любили шахматы и проводили за игрой много времени, особенно зимою, когда собирались дома на каникулах. Бывало приезжал к нам директор Опочецкого реального училища, Николай Онисимович Кудрявцев. Он также любил шахматы, прилично играл и сражался с нами, но я обыграть его так и не смог. Самым сильным игроком в нашей семье был Антон, но Володя тоже играл неплохо.

Отец выписывал много периодической литературы - несколько журналов, в том числе "Солнце России" и "Нива" с издаваемыми в виде приложений собраниями сочинений многих русских и иностранных писателей и поэтов.

Таким образом у нас накопилась порядочная библиотека, которая хранилась в трех больших книжных шкафах. Читать мы все любили. Кроме того, отец давал из нашей библиотеки читать книги некоторым крестьянам окрестных деревень.

В Опочке в то время было два учебных заведения со средним образованием: Опочечское реальное училище (ОРУ), где обучались только мальчики, и Опочечская женская прогимназия. Поступать в эти заведения нужно было с экзаменами, пройдя предварительно подготовительную программу двухлетнего низшего образования в школе, которых в Опочке было несколько, или дома с репетитором. Нас всех подготовлял к поступлению в ОРУ наш дед В. В. Руднев. Все мои братья после подготовки держали вступительные экзамены в восьмилетнем возрасте и сразу начинали занятия, живя в это время в Опочке у знакомых или на снимаемой квартире. Видимо, для деда было удовольствием заниматься с нами, и меня он поэтому, после моего успешного экзамена в 1916 году в ОРУ, продержал у себя два лишних года, проходя учебу дома. Таким образом, я поступил в ОРУ в 1918 году сразу в третий класс, но с экзаменом. В Опочке во время учебы я жил один год у Кудрявцевых, а потом, до окончания школы в 1925 году, у Селюгиных и зимою дома бывал редко. А летом, когда мы возвращались из Опочки на каникулы, дед часто не оставлял нас в покое, а в доме, в саду, где он жил летом, проводил с нами занятия, что, конечно, нам не особенно нравилось. Я всегда думал, что он это делает не столько для нас, сколько для себя. В летнее время, иногда, в хорошую погоду устраивали всей семьей продолжительный пикник на природе. Выезжали на двух экипажах на Каменецкое озеро, которое находится за шоссе в двенадцати верстах от Захина. Также туда приезжали Селюгины, которым мы сообщали об устраиваемом пикнике по телефону. Телефонная связь в Опочке была создана около 1910 года, и вскоре нашими силами была проведена телефонная линия из Опочки к нам в Захино и далее по большаку до Святых Гор, что значительно облегчало нашу связь с Опочкой, дав возможность поговорить с любым абонентом Опочки.

Каменецкое озеро очень красиво, окружено растущими на склонах берегов сосновым лесом и орешником, а за ним расстилается огромное моховое болото, поросшее мелким со-

сняком, где любил охотиться на белых куропаток и тетеревей мой отец. Приезжали на озеро рано утром и проводили там почти весь день.

Еще мы все очень любили и устраивали путешествия на лодках по маршруту рек Кудки, Великой и Сороти в Пушкинский заповедник. Путь туда был далекий, и это развлечение длилось до двух - трех дней, с ночевками в Святых Горах у Бакусова, у которого там был большой универсальный магазин и еще кирпичный завод в селе Подкрестье, недалеко от Святых Гор. Лодок у нас было две, большая с двумя гребцами, подымавшая до десяти взрослых и малая с одним гребцом - до шести человек. На все путешествие с двумя остановками уходило около восьми часов. По реке Великой плыть было легко, можно было не грести, течение быстрое, но по Сороти приходилось порабатывать веслами, но относительно небольшое расстояние до удобного причала между Тригорским и Вороничем. Оттуда лодки отправлялись на лошадях в Захино, а путешественники шли пешком в Святые Горы и проводили там пару дней у Бакусова, с посещением всех пушкинских мест. Эти пикники и поездки на лодках продолжались только до начала войны.

После 1913 года в освободившемся втором этаже деревянного дома из нашей семьи никто не жил, а там на некоторое время поселилась молодая женщина, которая выполняла, в помощь няням, должность бонны. Если ехать из Опочки в сторону Латвии, то на расстоянии десяти верст дорога пересекает речку Исса, впадающую в Великую. Около моста через нее теперь можно увидеть из реки гнилые столбы и небольшие пороги на реке. Там была мельница немца Карла Гааке. У него была дочь Софья Карловна, которая поступила к нам в качестве бонны, еще когда я был совсем малым. Она хорошо знала немецкий язык, но с нами почему-то никогда на нем не разговаривала и нас ему не учила. Кроме того, она была хорошая портниха и нас обшивала. Прожила она у нас несколько лет, но была уволена по той причине, что по своему характеру была весьма благосклонна к притязаниям молодых мужчин, которых в то время в Захине было порядочно, а нашим родителям, которые были строгих правил, это не понравилось из опасения, что она распространит свои чары и на подростков. Значительно позже она приехала к нам и была принята только в качестве портнихи примерно в то

время, когда появился у нас Николай Иванович Шперлинг, и пробыла в Захине почти до его увольнения.

Вначале двадцатого века в нашем хозяйстве много средств тратилось на строительство различных подсобных строений и покупку оборудования и, несмотря на то, что в то время производство давало значительный доход, в опочечком банке к 1910 году накопился наш долг в размере около шестидесяти тысяч рублей. Однако к 1914 году, благодаря выгодным заказам по производству турбин и успешной работе мельницы, на которой в то время работало четыре постава, удалось расплатиться с этим, и будущее казалось нашим родителям легким и лучезарным; можно было успешно продвигать дальнейшее развитие производства.

Начало мировой войны для всех нас было большой неожиданностью. Первое время в течение нескольких месяцев ничего не изменилось, где-то шла война, а у нас все было по-прежнему, только несколько раз по большаку мимо нашего сада прошли колонны рекрутов, которых вели на сборный пункт в Опочку, где проводилась их предварительная муштровка перед отправкой на фронт. В то время этот период был весьма короток.

Вскоре после начала войны нами был получен от военного ведомства подряд на поставку досок для окопов, и наши оба лесопильных цеха работали в три смены, а также подряд на обдирку большого количества проса, которое привозили в Захино на лошадях целыми обозами.

К лету 1915 года немецкий фронт находился от нас на расстоянии около ста верст, и в тихую погоду мы слышали пушечную канонаду, для чего нужно было приложить ухо к земле.

В 1915 году осенью в начале учебного года был снят на окраине Опочки дом с садом, в котором поселились из нас учащиеся в опочечком реальном училище, а также наш дедушка В. В. Руднев, который забрал с собою и меня для подготовки к поступлению в училище. Рядом с домом, через дорогу, была обширная лужайка, на которой один из генералов семьи Почепцовых обучал рекрутов.

Вначале войны второй этаж нашего деревянного дома одно время занимали двое инженеров, работавших на строящейся железной дороге. Оба они у нас столовались. Вначале жил инженер по фамилии Башняк, потом его сме-

нил другой по фамилии Иголкин. У последнего были хорошие способности к художественному чтению, и он часто вечерами читал нам рассказы Чехова.

Позднее, уже при советской власти, этот этаж занимал поселенный к нам начальник милиции с женою и малолетним сыном. Фамилия его была Сафронов. Последний прожил у нас недолго, так как с ним произошел трагический случай. Он любил выпить и, конечно, за чужой счет, и частенько возвращался домой в нетрезвом состоянии. Однажды поздно вечером он, возвращаясь домой, переходил по льду через Великую около деревни Калыжиха. Течение в том месте сильное и около перехода через реку была большая незамерзающая полынья, в которую он провалился, сбившись с пути. Выбраться самому ему не удавалось, и на его крик из деревни Калыжихи прибежал мужик, которого звали Егор, с длинной жердиной и стал его спасать. Утопающий уже почти вылез на лед, ухватясь за жердь, но зацепился кобурой с наганом за льдину. Когда Егор увидел, кого он спасает, то этой же жердью столкнул его под лед. На следующий день утопленника вытащили ниже по течению из другой полыньи. Все это происшествие для властей осталось тайной, хотя местные жители всю правду про это со всеми подробностями хорошо знали, что весьма характерно для скобарей.

Однажды в 1921 году из Латвии к нам приехал недолго погостить школьный друг дяди Эдуарда, которого звали Иван Кириллович, внешне очень похожий на дядю Эдуарда. Он собирался через пару месяцев уехать домой в Латвию, однако, пока он у нас гостил, границу с Латвией закрыли, и он остался на два года у нас. Он был очень опытный пчеловод и успешно наладил нашу небольшую пасеку. При нем сбор меда резко увеличился. Работал он на пасеке всегда без сетки, но почему-то пчелы его никогда не жалили, и он руками вытаскивал их из своей бороды. С нами он часто ходил в лес по грибы. Уехать и переправиться через границу он смог только за небольшую мзду, с помощью контрабандистов, которые были с нами хорошо знакомы, и мы часто пользовались их торговыми услугами.

Писать воспоминания о Захине и пропустить тему об охоте было бы большим упущением. Эта тема большая, но я ограничусь только кратким описанием. Охоты у нас были толь-

ко ружейные. Весеннюю охоту на тяге вальдшнепов мы начинали рано и всегда только в одном месте. В трех верстах от Захина в южном направлении начинался смешанный еловый и сосновый лес, граничивший с большаком, с другой стороны - с большим моховым болотом, заросшим мелким сосняком. У опушки леса с нашей стороны была над некрупными деревьями, чередуемыми небольшими полянками, очень хорошая тяга вальдшнепов, начинавшаяся в начале апреля, еще когда в лесу белел в укромных местах таявший снег. Мы большой компанией любили ходить туда на тягу и почти всегда добывали несколько вальдшнепов. У каждого из нас было свое излюбленное место. Самым добычливым был мой отец. Стрелял он почти всегда без промаха и считался одним из лучших стрелков в опочечком уезде.

Глухарей вблизи Захина не было совсем, а тетерева токовали в болотистых, недоступных для охоты, местах. Поэтому весенней охоты на эту дичь у нас не было.

Тягу вальдшнепов мы все очень любили, но эта охота, к сожалению, очень коротка. Зато в конце лета, обычно с первого августа, наступала самая любимая наша охота с легавой собакой, которой особенно увлекался мой отец. У него были в двух дальних деревнях егеря, которые сопровождали его на охотах на тетеревей и глухарей. Легавая у нас всегда была только одна, но породы были разные: пойнтер, лаврак и ирландские сеттера.

Когда мы подрастали, то начинали охотиться с четырнадцати лет, а до этого иногда ходили со взрослыми на охоту без ружей.

Псковская губерния находится на южной границе ареала распространения белых куропаток и, вследствие большого количества в наших краях излюбленных ими моховых болот, наполненных участками различных ягодников, почти ежегодно охотясь, мы находили много, иногда очень крупных, выводков этой дичи. Тетеревей и серых куропаток было значительно меньше, поэтому основная наша добыча была белая куропатка. Поскольку охотников у нас в семье было много, а легавая одна, то мы охотились по двое, соблюдая очередь. А я любил ходить третьим, без ружья, но зато носил убитую братьями дичь, которую добывали иногда помногу - до двадцати птиц, а бывало и более.

Гончих собак мы держали не менее четырех, англо - русской породы, которую успешно селекционировал Владимир Александрович Селюгин и пополнял ими нашу стайку. Охотились мы с гончими в основном на русака, а беляка было мало, только водился он в борах за Великой. Иногда, но редко, добывали лисиц.

Устраивали также облавные охоты на зайцев и лисиц, и только за рекой Великой. Там на полях было много колков мелких кустов - любимые места для дневки зайцев и лис. Загонщиками нанимались мальчишки из ближайших деревень, которые выгоняли на нас зайцев.

Облавные охоты на волков устраивались только любительским обществом опочечких охотников под руководством В.А. Селюгина. У него в ближайших и дальних деревнях было несколько оплачиваемых егерей, которые находили по следам волков, обходили и затагивали их флажками, и срочно сообщали Селюгину. На этих охотах участвовали часто и наши родители, а нашему поколению принимать участие на волчьих облавах не пришлось, кроме меня во время моей учебы в Опочке, когда я жил у Селюгиных. В отцовских альбомах есть много снимков облавных охот. Наиболее везло на этих охотах дяде Эдуарду, на него чаще всего выходили волки. Один, изготовленный из шкуры волка, ковер с головой и разинутой волчьей пастью, лежал в нашей гостиной.

В начале 1916 года из опасения, что немецкий фронт переместится к Захину, нашими родителями была предусмотрена эвакуация всей нашей семьи в Сергиевскую лавру, где в то время проживала наша тетьа Альма с семьей, о чем уже была с ними договоренность. Дядя Эдуард не хотел уезжать, а предполагал остаться в Захине, чтобы постараться, в случае дальнейшего наступления немцев, сохранить завод и мельницу. На заводе в столярном цеху было изготовлено несколько больших ящиков, в которые уложили все, что собирались взять с собою. Однако, в 1916 году немецкий фронт замер, а через Захино с фронта начали проходить дезертиры и некоторые с оружием. Появились от них слухи о братании солдат с немцами на фронте. Из Петербурга также мы получали известия о плохом снабжении, начале голода и беспорядков. Поэтому у нас решили из Захина не уезжать. В конце года мы уже знали, что политические беспорядки перерастают в революцию, о чем живший у нас дед

В. В. Руднев получал подробные письма от всех своих детей, семьи которых в то время жили в Петербурге.

В нашей семье сравнительно мало интересовались политикой, монархистов среди нас не было и февральскую революцию, а также отречение царя, нашими родителями было принято, пожалуй, даже с удовлетворением, предполагая, что вскоре война, которая несла столько горя, окончится и вся эта политическая заваруха также окончится и можно будет спокойно продолжать всем заниматься своим делом. У нас даже повесили на стенку в столовой портрет Керенского, который, увы, наших надежд не оправдал. Весь народ же в нашем округе, включая крестьян, ни о какой либо политической борьбе не помышлял, ни о каких либо партиях ничего не знал, а жаждал только скорейшего окончания войны и, как обычно, безмолвствовал. У нас все мыслящие знакомые временное правительство приняли безропотно и ждали решений намечавшегося законодательного собрания.

Октябрьский большевистский переворот наших родителей очень насторожил, хотя мы все тогда толком не знали, что это за люди - большевики. Дед наш Руднев вначале это известие встретил благосклонно, поскольку он не особенно терпел монархию и даже прочел нашим рабочим пару лекций о французской революции.

Довольно длительное время в наших краях, включая Опочку, все шло по-прежнему и никаких политических передраг не происходило, кроме редких митингов на опочечкой площади у собора, направленных на окончание войны. На одном из них выступил дядя Эдуард, но долго поговорить ему не дали, кто-то из толпы выкрикнул, что это немецкий шпион, и его уже толпа собиралась растерзать, но случайно бывшие на митинге несколько вооруженных военных увели дядю в находившуюся около площади тюрьму, из которой на следующий день его освободили, и он благополучно приехал домой. Городским головой в то время был Владимир Александрович Селюгин. После этого случая дядя нигде не выступал и критиковал большевистский строй только у нас дома.

Вскоре сменившаяся на большевистскую опочечкая власть начала создавать в городе и крестьянской среде так называемые комитеты бедноты. Среди крестьян Псковщины, как и вез-

де, всегда было небольшое количество, не превышающее трех - пяти процентов, деградированного населения, которое не занималось каким-либо полезным трудом, а жило на подаяниях и воровстве. Профессиональные нищие у нас были всегда, которые успешно собирали подаяния по деревням. Вот они-то и потянулись в создаваемые комитеты. Эти комитеты управлялись присланными для руководства большевиками, которые проводили свою политику по еще начатому при Ленине раскулачиванию зажиточных крестьян и национализации имущества, что руководимый ими сброд выполнял с большим удовольствием и выгодой для себя.

Наше имущество национализировали опочечкие большевистские власти не сразу, а за два периода. Вначале, в середине 1918 года был национализирован только один наш завод, включая все цеха, расположенные в Захине и Шлепетне, а через полгода также и мельница, поскольку она была под одной крышей с заводом, а остальное имущество, включая пахотную землю, которой мы продолжали пользоваться - в 1928 году. Принадлежавший нам строевой лес (около 500 десятин) также был национализирован.

В 1918 году для контроля национализированного завода в Захино был прислан комиссар с длинным маузером, всегда висевшим у него на боку в деревянной кобуре. Это был маленький толсторожий коротышка с короткими ногами, но широкий в плечах. Он был полуграмотным, едва лишь умел расписываться.

Как только завод национализировали, то вскоре ранее набранные заказы были выполнены, а новые не поступали, поскольку этот период совпал с голодом, который коснулся и наших мест. На этот период отец мой был назначен управляющим заводом. Поскольку завод перестал приносить доход, вследствие отсутствия заказов, опочечкое большевистское начальство решило сдать завод моему отцу в аренду, с чем отец и дядя согласились, и тогда дело постепенно стало налаживаться, также благодаря наступившему НЭПу, и появились заказы на разное оборудование, что произошло к концу 1921 года.

Но зато вместо уехавшего комиссара появился, присланный из Опочки, молодой человек, который должен был для полноты картины наладить забастовочное движение на производ-

стве, что он с успехом делал, но не долгое время, так как это, видимо, не устраивало рабочих, поскольку завод остановился, и они боялись потерять работу.

Этот забастовщик был довольно симпатичным парнем, столовался у нас, жил в усадьбе за мостом и был удачливый рыбак: вылавливал на Каменецком озере очень крупных щук.

В этот период, кажется летом 1921 года, ко мне пришел Вильгельм Штокман и сказал, что его назначили секретарем молодежной организации (тогда еще слово "комсомол" не было придумано) и предложил мне вступить в эту организацию, которая, по его словам, будет способствовать властям созданию лучшей жизни в обществе. Я, после короткого раздумья, решил, что это дело хорошее и сразу же написал заявление с просьбой принять меня в эту организацию и передал его Вильгельму, который сказал мне, что меня примут через несколько дней на их очередном собрании, на которое я должен буду явиться.

Вблизи Захина есть деревня Зуево, в которой в то время жил старик, профессиональный пчеловод, он сельским хозяйством почти не занимался, а имел в деревне большую пчелиную пасеку, которая давала ему хороший доход, благодаря чему он считался зажиточным крестьянином. Так вот, члены этой молодежной организации, в порядке раскулачивания, ночью забрались на его пасеку, разорили несколько ульев и унесли много рамок с медом. Всю эту историю я услышал на следующий день. Тут я понял, что мне не по пути с этой организацией и, конечно, на их собрание не явился.

С этого времени и в течение всей своей жизни я, насмотревшись, что творили большевики, которые воспитывались в этих комсомольских организациях, никогда не разделял их убеждений, считал их преступными и их идеи мифическими.

В канун Рождества 1921 года у нас произошел пожар. Летом в том году перекладывали голландскую печь, стоявшую в прихожей деревянного дома, а от нее к стояку шел небольшой боров, который неопытный печник укрепил металлическим стержнем, пропустив его через этот боров. Печь после ремонта протапливалась очень мало и редко, а под Рождество натопили очень сильно. Этот стержень раскалился и поджег мусор на чердаке. Когда

заметили, то было уже поздно, огонь распространился по всей гонтовой крыше. Я с братьями в это время вез из солпинского леса для украшения елку, и мы увидели дым. Когда мы подъехали, то пожар уже тушили с помощью имевшейся у нас пожарной машины с длинным пожарным рукавом, который был опущен в прорубь реки. Народу набегало много, даже из ближайших деревень, и тушили также ведрами, передавая их по цепи людей от реки. Самое интересное то, что удалось погасить пожар, несмотря на то, что огнем была объята вся крыша и уже начали гореть сени. Тушение пожара длилось долго и закончилось вечером, когда уже начало темнеть, и всю ночь нам пришлось охранять дом от возможного повторного загорания. Несмотря на пожар, на следующий день мы, к удивлению всех окружающих, праздновали Рождество и потом Новый 1922 год в гостиной и коридоре каменного дома, в котором расположили обеденный стол.

В наступившем 1922 году весной и летом произвели и закончили полный ремонт дома, покрыв крышу черепицей, которая за несколько лет до этого была заготовлена для покрытия этого дома. Заново его обшили досками, сделали также ремонт интерьера и внешне он стал выглядеть значительно лучше прежнего.

В начале НЭПа, когда потребовалось по настоянию опочечских властей для отчетности работы завода, ставшего в то время государственным, вести бухгалтерию, чего у нас до этого не требовалось и не было, была принята для этой работы Берта Владимировна урожденная Мерзвинская, которая в области бухгалтерии немного разбиралась. Через некоторое время, кажется в конце 1921 года, отец женился на ней. Свадьба по их желанию никак у нас не отмечалась. Поскольку прошло много времени и почти все участники этого события ушли в мир иной, теперь можно быть более откровенным. Мне и моим старшим братьям появившаяся мачеха ни в какой мере не заменила недавно до этого умершую нашу мать, которую мы все очень любили, да, кажется, и не пыталась это сделать. Называли мы ее всегда по имени - отчеству и обращались к ней на "Вы". Женщина она была неплохая, видимо расчетливая, с артистическими наклонностями, прилично пела русские романсы, и мне всегда нравилось ее слушать.

Ранее, еще будучи девицей, она иногда бывала со своими братьями у нас в гостях. Одно время она работала на почте в Опочке, была замужем за неким Ивановым, с которым вскоре разошлась.

Отношение к ней у всех членов нашей большой семьи было разное. У некоторых взрослых и старших моих братьев я замечал в то время неприязненное отношение к ней, но у всех нас, конечно, хватало тактичности этого открыто не проявлять. Я же относился к этому скорее равнодушно, считал, что все мы обязаны смириться с этим событием, как бы мы к нему ни относились.

За период НЭПа, поскольку все предполагали, что эта политика продолжится длительное время, на турбины поступало много заказов, и к концу 1927 года всего с основания завода, на нем было изготовлено около восьмисот турбин. Кроме завода за этот период большой доход давали мельница, маслобойка, цеха лесопильный и изготовления красок. Несмотря на то, что приходилось платить государству очень крупную арендную плату, жили мы не нуждаясь ни в чем и считали, что так будет продолжаться и далее, кроме нашего дяди Эдуарда, который был совершенно уверен, что большевистский режим, угнетавший и ограничивающий частную собственность и инициативу, в конце концов просуществовать долго не сможет, а рухнет. Однако это, к общему сожалению, случилось значительно позже, чем он предполагал.

В двадцатых годах у нас жила овдовевшая и приехавшая из Томска с двумя дочерьми моя теть, Ольга Владимировна Шиловская, но вскоре она убыли на постоянное жительство в Ленинград.

У нас в эти годы часто гостили из Опочки и Тифлиса наши знакомые и родственники.

В 1920 году, окончив Опочечское реальное училище, которое было переименовано в Опочечскую среднюю школу второй ступени, мой старший брат Володя поступил в Технологический институт и бывал в Захине только на каникулах. Борис и Антон окончили школу в 1924 году и два года успешно сдавали экзамены в Техно-

Санкт-Петербург 27.11.1998 года. Лев Тиме

логический и Политехнический институты, но приняты не были по причине социального происхождения, но остались в Ленинграде и оба поступили на работу. Я окончил школу в 1925 году, подал заявление в Политехнический институт, но по этой же причине не был допущен к экзаменам и проработал два года на бывшем нашем заводе, вначале в качестве ученика слесаря и в конце выполнял чертежи турбинных установок для мельниц наших заказчиков. Окончательно перебрался я в Ленинград в 1927 году, в декабре, когда там мне подыскал место Карл Владимирович Мержвинский.

В 1928 году началось общее раскулачивание, под которое попала и наша семья. Для этого, якобы по решению комитета бедноты, была назначена непомерно большая аренда на завод, которую оплатить мы не могли, и были объявлены банкротами. Все оставшиеся постройки были национализированы, а имущество распродано на организованном аукционе, на котором все шло задешево. Вырученных денег хватило вполне, чтобы оплатить аренду.

Наша семья при приходе к власти большевиков потеряла большое состояние, и, прочитав эти записки, можно подумать, что я об этом жалею, но это совсем не так, мне не жаль ни имущества, ни денег, все это можно с успехом приобрести, если честно и, главное без помех трудиться, но мне жаль, что моему поколению нашей семьи не дали возможности продолжить работу по дальнейшему развитию нашего производства, с таким успехом начатого моим дедом, дядей и отцом, и дававшего длительное время так много удовлетворения и благ не только нашей семье, но и окружающему Захино крестьянскому населению.

Еще мог бы вспомнить и сообщить о том, что натворили в нашем краю большевики во главе со своим Лениным, проповедовавшим Марксов коммунизм, хуже которого трудно что либо придумать, и после него "кремлевским горцем", но мне очень неприятно вспоминать об этом, а кроме того, следуя известной китайской поговорке, что тот не герой, кто дергает за хвост дохлого тигра, я на этом кончаю свои записки.